

Валерий Михайлович Федулов

О любви и не только

18+

Валерий Михайлович Федулов

О любви и не только

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43421995

SelfPub; 2019

Аннотация

Она случается с каждым, но у каждого бывает по-своему. И что считать первой любовью? День, когда ты идёшь с девочкой за руку из детского садика? Или вечер, когда в танце ты нежно обнимаешь девичий стан или робко целуешь её сладкие губы? Или ночь в объятиях женщины, которая отдаёт всю себя тебе и взлетает с тобой в небесную высь? Каждый ответит сам и каждый проходит через это, потому что без любви нет жизни и жить без любви не имеет смысла...

О ЛЮБВИ И НЕ ТОЛЬКО

Глава 1: История первой любви.

Первая любовь. Случилась она у меня не в детском садике и не в первом классе, как многие сочиняют, а в седьмом. (7 – запомните эту цифру, мою любимую!) Именно тогда нашу 35-ю мужскую школу соединили с 21-й женской, до этого мальчики и девочки учились раздельно. А проще, отправили в женскую школу наших отъявленных хулиганов и двоечников, взамен нам прислали разбитных троечниц и некрасивых хорошисток. Как к нам попала отличница Лида Фарцева, непонятно, наверное потому, что жила близко, но я сдружился именно с ней, тем более, что наши фамилии в списке стояли рядом.

Но все мальчишки, и я в том числе, поголовно влюбились в красавицу Инну, которая впервые появилась в классе не в коричневом форменном платье и с заплетёнными косичками, а в светлой блузке и в короткой юбочке, с двумя «хвостиками», завязанными цветными бантами. И как ни бились наши педагоги, она каждый день приходила с каким-нибудь ярким элементом в скучной школьной олёжке. А всех «поклонников» Инна мастерски отшивала, и почему она сразу после окончания школы вышла замуж за Эдика Пекарского, самого скромного мальчика из нашего класса, который краснел при одном упоминании о девочках, не знаю.

Я же, чтобы не быть в числе «отверженных», сразу обратил внимание на Лиду, тем более, что и сам был отлични-

ком. Но дальше переноски её портфеля и совместных подготовок к контрольным работам дело не пошло. Лида была дочерью генерала, одевалась скромно, но со вкусом, а писала красивым ровным почерком. У меня до сих пор сохранилась её тетрадка с сочинением о творчестве Леси Украинки. Мы были довольно дружны и я сохранил самые тёплые воспоминания о нашей дружбе, но назвать Лиду своей первой любовью я не могу.

Мальчишки в наше время были ещё очень глупыми, у нас в классе учился верзила Сашка Ткаченко, который после уроков играл с мелюзгой в «казаки-разбойники», носился по двору, кричал и размахивал воображаемой шашкой. А о «сексе» мы не имели ни иалейшего понятия. Правда, были некоторые познания из пошлых анекдотов, но я их не любил слушать. Помню, как мы дома у моего друга Юры Худякова рассматривали медицинский атлас, его мать работала медсестрой, и ещё долго не могли понять, как это мужской член попадает в женский орган, в атласе это не показывали...

1956-й год стал знаковым как для меня, так и всей страны. Во-первых произошло объединение мужских и женских школ, о чём я уже говорил. И поначалу дело доходило до курьёзов: девочки ходили на военную подготовку и учились кидать гранату, Наша «малышка» Люба Кун не могла кинуть её дальше, чем на метр. «Себя подорвёшь!» – кричали мы. А «вышка» Галя Кундиренко даже кинула однажды гранату через школьный забор, чем вызвала гнев физрука. И она

быстрее всех в классе разбирала и собирала автомат! К счастью, мальчиков на уроки домоводства ходить не заставляли, приглашали только оценивать кулинарные способности девочек. Но главное, в этот год я впервые влюбился! Вернее, осознал это, а любовь началась гораздо раньше.

Мы жили почти в центре старинного города Львова, куда моего отца назначили продолжать военную службу. В большом пятиэтажном доме над нами проживали две семьи работников милиции, где были две девочки: младшая Неля и старшая Нина. Так вот она брала меня с собой в 21-ю женскую тогда ещё школу в качестве младшего брата, где я как единственный представитель мужского пола был нарасхват. На девичниках все стремились потанцевать со мной, но я запомнил лишь одну – Аню, которая учила меня вальсировать...

И когда я встретил Анну спустя несколько лет в знакомом 1956-м, красивую девушку с копной чёрных волос и пронзительным взглядом чёрных глаз, то влюбился окончательно. Потом были совместные походы в кино, в кафе-мороженое, прогулки по паркам и улочкам Львова. Учитывая местную дождливую погоду, мы часто прятались в парковых домиках или подъездах домов и подолгу целовались, целовались, целовались... На свидания я всегда приходил с небольшими букетиками, а на её день рождения денег ни на подарок ни на цветы не было. И я, заранее, прихватив ножницы и рукавицы, ночью заполз на клумбу в центре города, где срезал почти все

розы. Букет был потрясающим, все гости восхищались им, но я был рад восторженному блеску сияющих глаз Анны...

Этот же год стал роковым для стран Варшавского договора: Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, болгарии и ГДР – в Венгрии произошла революция, которую тогда называли «путчем». Моего отца направили восстанавливать разрушенное, хотя его и не планировали. Но подвёл я – после прогулок под дождями я стал часто болеть ангиной. В тот ноябрьский день родители собрались в гости: мать принарядилась, отец в военной форме, никак не могли оставить меня с больным горлом. Вдруг в дверь постучали, отец открыл, потом вернулся, взял всегда готовый чемоданчик и ушёл. До самого Нового года мы не знали, где он, пока не получили весточку: «Читайте газеты!» А в газетах было только одно: о событиях в Венгрии.

Я продолжал часто простужаться и весной 57-го мать отправила меня в госпиталь вырезать гланды. По её просьбе меня положили в палате с офицерами, а операцию делал известный хирург Труханенко, с сыном которого я познакомился позднее, уже работая в политехническом институте. Единственное, что я запомнил, как после операции меня подвели к зеркалу и я ужаснулся, увидев там страшного зелёного человечка! Потом меня отвели почему-то в солдатскую палату, где я наслушался таких любовных историй про отношения мужчины и женщины, что уже не нужны были никакие лекции о семье и браке.

Мать меня не навещала, она занималась моей маленькой сестричкой, а отец приехал по её вызову и сразу пришёл в госпиталь. О том, что он ждёт меня на проходной я узнал от больных и побежал как был в пижаме и тапочках к нему. Отец привёз мне в подарок диковинку: полицейскую машину с сиреной и инерционным колёсиком внутри. Мы начали катать её друг другу прямо на полу, я она ужасно выла, а я кричал от восторга! Прибежавшая на сильный шум медсестра пригрозила отобрать у меня штаны за «самоволку», но было уже поздно – отец забрал меня и увёз с собой в Венгрию.

Это была другая страна, другие люди, обычаи и нравы, другой мир. Меня поразили красавец Пешт с широкими проспектами и величественным зданием Парламента, мосты через Дунай и старинная Буда с Рыбацким бастионом, Королевским замком и горой Геллерт, откуда открывается прекрасный вид на Будапешт. Отец сказал, что у подножия памятника святому стояла скульптура советского воина-освободителя, но во время событий её скинули вниз, осталась только на постаменте пятиконечная звезда, прошитая пулями...

Но всё это я узнал и увидел потом, а сначала была офицерская казарма, где мы с отцом прожили несколько месяцев. Это было огромное с высокими потолками помещение, у каждого своя койка, тумбочка и большой шкаф, куда можно было спрятать не только мои нехитрые пожитки, но и ме-

ня самого. В шкафу на полке я нашёл медную бляху с надписью «Honved», очевидно, она принадлежала бывшему владельцу Наша воинская часть располагалась на месте военного училища в городке Matyasfeld , как я позже выяснил, в часе езды на электричке от венгерской столицы.

Мне категорически запрещалось выходить за пределы территории, но я это сделал чуть ли не на следующий день. Солдат у проходной спокойно выпустил меня, но зато учинил допрос, когда я вернулся. Так я каждый день гулял по городку, познакомился с местными ребятами, которые относились ко мне по-доброму и многие неплохо говорили по-русски. У них я и выяснил, как можно добраться до столичного вокзала Nyugati. Отец, узнав о моих прогулках, только слегка пожурил меня и ...заказал мне пропуск для беспрепятственного прохода на территорию воинских частей. И посоветовал быть осторожным и не распространяться о месте жительства.

Не стану описывать красоты Будапешта: Kertut – главный проспект, Vaciutca – маленькая улочка с многочисленными модными магазинчиками, Moszkvater – площадь автовокзала, откуда можно было уехать в любой венгерский город и даже в Вену, Берлин или Прагу, Margitsziget – остров отдыха посреди Дуная с бассейнами и спортплощадками, куда я ездил не часто, дорогая плата за вход. А в Vidampark – место невиданных аттракционов с американскими горками, чёртовым колесом и пещерой ужасов и в Turokfurdo – турецкие

бани, настоящий «дворец султана» с купальнями внутри и сухой парильней отец возил меня сам.

В августе, когда приехала мать с сестрой, он повёз нас на Балатон. Мы ехали вдоль огромного озера и долго не могли найти наш дом отдыха, потому что названия всех населённых пунктов, расположенных в прибрежной зоне, начинали со слова Балатон: Balatonfured ,,Balatonerde и так далее. Наконец услышали громкое русское радио и догадались – мы у цели! Я каждый день купался в озере, но не лежал на пляже, а гулял с местными ребятами и девчатами по поёлку, где было весело, играли скрипки и танцевали люди просто на траве. А однажды даже поехали на катере на другой берег в Balatontihany , где погуляли на празднике вина! Наступал сентябрь, мне пора было в школу и отец увёз меня в часть, оставив мать с сестрой в доме отдыха – ведь жить им было негде.

Школа находилась в другой воинской части, в городке Sashalom в нескольких километрах в сторону от трассы. Учеников разных возрастов собралось немало, и нас каждый день возили на автобусе туда и обратно. Приезжали дети военнослужащих и вольнонаёмных из других воинских частей. Это была обычная советская школа почему-то под номером 50, наверное, счёт вёлся по всей Восточной Европе, где были наши войска – от Германии и Польши до Венгрии и Болгарии.

Ученики собрались самые разные, со всех уголков Совет-

ского Союза – из Москвы и Киева, Прибалтики и Сибири. Директор приехал из Львова, как ни странно, из моей 35-й школы! Он преподавал математику, а его дочка Катя училась в нашем классе. Это была весёлая и озорная девчёнка, «своя в доску», давала нам списывать домашние задания. Однажды произошел курьёзный случай: все в классе усиленно готовились к контрольной по математике, как вошла Катя и сказала: «Контрольной не будет, папа заболел.» Все закричали: «Ура!» На что она ,ответила: «Бессовестные, больше не дам списывать!» А вообще, старшеклассников было мало, в нашем восьмом не больше пятнадцати, так что уроки приходилось учить каждый день, надежды на то, что сегодня не спросят, было мало.

Преподаватели были в основном жёны офицеров, чьи дети у них же и учились. Девочек в нашем классе было мало: Две подружки – Вера и Надя, которые жили в общежитии при школе, потому что их родители служили далеко, и симпатичная и компанейская Ляля, за которой «увивались» все старшеклассники, кроме меня. Но как-то среди учебного года появилась чисто русская красавица – Альбина: высокая и статная, с русой косой до пояса и небесным взглядом голубых глаз из-под чёрных бровей! Конечно, с ней подружился именно я: учился на отлично, считался примерным и, что немаловажно, подходил по росту. Так получилось, что остальные ребята в нашем классе были помельче и с учёбой у них было похуже, поэтому шансы на успех были лишь у

меня.

Альбина оказалась дочерью высокопоставленного офицера из отцовской части, а её мать стала преподавать у нас русский язык и литературу, что потом сказалось роковым образом на наших отношениях. Предыдущую учительницу уволили за «отклонения от программы» – она читала нам лирические стихи Блока, Брюсова, Пастернака и даже пролетарского поэта Маяковского! Но все мы знали, что Маргарита Викторовна «закрутила любовь» с женатым командиром части, поэтому её и выслали из Венгрии. А Лидия Петровна слыла добропорядочной женой и матерью, хорошо знала школьную программу, но надо отдать должное, на уроках у неё было не скучно.

К тому времени многие офицерские семьи получили жильё в спальном районе Будапешта Kertvaros, который был гораздо ближе до центра столицы. Отец даже возил меня на осмотр новостройки, мы довольно долго пробирались через ямы и строительный мусор, пока нашли свой дом и квартиру: это была типичная однокомнатная «хрущёвка» (egyhón–однушка) с печным отоплением, уголь хранили в кладовке, но с газовой плитой на кухне. Как мы потом размещались в маленькой комнатухе вчетвером, сложно описать: стояли четыре раскладушки одна к одной, печь быстро остывала и зимой было холодно. Отец додумался греть на плите кирпичи, благо стройка ещё продолжалась, и класть их рядом. Но это было позже, а поначалу он доверил мне вселиться само-

му. Приехав с друзьями отметить новоселье, я долго не мог найти свой дом – всюду стояли одинаковые пятиэтажки. Наконец кто-то заметил табличку с нужным номером, но я засомневался – вокруг не было ни ям ни канав, а лежал аккуратный газон с цветами, небольшими деревьями и зелёными лавочками рядом!

Мы с отцом были первыми новосёлами, потом сюда заехали другие жильцы. Наша улица 926-ik utca тянулась далеко вдоль квартала новостроек, а с другой стороны были частные домики с цветущими вишнями и абрикосами, вот почему весь микрорайон назвали: Kertvaros – садовый городок.

Альбина жила в другом конце улицы, после школы автобус отвозил сначала меня, но я не выходил, а ехал дальше. Мы долго гуляли по маленьким улочкам вдоль садов, говорили, спорили и мечтали. А когда непогода или темнело, уходили в подъезд, сидели, обнявшись, на подоконнике между этажами и целовались в темноте. Если кто-нибудь заходил и включал свет, мы успевали отодвинуться и убрать руки. Но свет автоматически гас, я опять прижимал к себе её маленькие груди, целовал губы вкуса мёда и вдыхал цветочный запах волос...

Но эту идиллию прервала рыжеволосая красавица, которая появилась в классе после Нового года. Весёлая и озорная Валерия Легостаева сразу привлекла к себе общее внимание, но я опередив всех, подсел к ней на последнюю парту, других мест больше не было, всё таки тёзка! Да и сама

Лидия Петровна предложила мне помочь новенькой догнать школьную программу. Но Лера, так она просила себя называть, не сильно интересовалась задачками и упражнениями, а больше анекдотами, которых я знал множество. Альбина, естественно, поджала губы, но не подавала виду, что ревнует. Наши прогулки прекратились, тем более, что я стал задерживаться, Леру поселили в школьном общежитии, и часто добираться домой самостоятельно.

Окончательный разлад наступил в день рождения Альбины, куда пригласили всех, но пришли лишь те, которые хотели получить хорошую оценку по литературе. Я метался в поисках поларка, но купил лишь красный цветок в маленьком горшочке – на букет из живых цветов денег не хватило, а лазить по чужим садам я не решился. Мой «Аленький цветочек» был благосклонно принят, но сама Аля демонстративно обслуживала гостей – разносила еду, пирожные и кофе. А я ухаживал за Лерой, подливал ей (и себе!) вино, шутил и веселил, и, конечно, танцевал с ней.

Пришла пора расходиться и я вызвался проводить Леру до общежития, куда надо было ещё добратся. Когда мы вышли из подъезда, нам чуть ли не на голову свалился маленький горшочек с цветком. Лера испугалась, а я, узнав свой подарок, прижал её к себе и успокоил: это ветер сдул у кого-то с окна!

Затем романтическая пездка в полупустой электричке, уговоры часового, потому что я не взял общий пропуск, про-

крадывание в комнату, где уже сопели Вера с Надей. Что было потом, я смутно помню, потому что растаял от вина или близости девичьего тела: объятия, поцелуи, горячие слова. Когда на койках зашевелились соседки, наступило отрезвление – я соскользнул с кровати, где лежал не раздевшись, выскочил из общаги и помчался по шоссе домой. Путь был неблизкий, но я бежал быстро: душа пела, а тело летело! Отец храпел и не заметил моего отсутствия, а мать с сестрой в очередной раз уехали в Союз. Однако все неприятности меня ещё только поджидали...

В понедельник на уроке литературы мы с Лерой как обычно шептались и разговаривали за последней партой, как вдруг Лидия Петровна подняла её: «Повтори, что я только что сказала!» Конечно, Лера не знала и молчала. Результат: «Садись, два!» Тут не выдержал я: «За что двойка, это не справедливо! Я её отвлекал.» – «Тогда ответь за неё ты» Но я не стал ничего говорить и упорно молчал, хотя вокруг все зашипели подсказку. «Теперь и тебе два, защитник!» Тут уж не выдержала Лера и стала тоже возмущаться. «А Вас, Легостаева я вообще попрошу удалиться, Вы мешаете мне вести урок» – прозвучало как приговор. «Тогда уйду и я!» И мы с Лерой покинули загудевший как улей класс. Гуляли по территории части, ели мороженое в кафешке, бегали, смеялись и целовались...

Когда пришли после всех уроков в класс за портфелями, там нас ожидал настоящий педсовет: завуч и пара учителей.

Нас стали журить за поведение, грозили сообщить родителям Легостаевой, а моим нет, потому что матери опять не было, а отцу бесполезно. Я уже хотел было попросить прощения, как вдруг Лидия Петровна сказала: «Ты думаешь, что за какой-то цветочек можно обижать мою дочь?» Я понял, откуда ветер дует и промолчал.

Упорно молчал я и на уроках литературы и получал двойку за двойкой. В результате два в четверти и четыре за поведение, а это хуже, чем два за предмет. В школе все говорили о нашем «любовном треугольнике» и осуждали «злую мать». Начинались весенние каникулы, многие уезжали домой, в том числе и Лера. А Лидия Петровна задала нам самостоятельно прочитать «Молодую гвардию» и написать сочинения про любимых героев.

Я с головой погрузился в героическую повесть советского писателя Фадеева о подвиге комсомольцев в оккупированном немцами Краснодаре в годы Великой Отечественной войны. «Молодую гвардию» я уже читал и любил, но снова перечитал знаменитую книгу от корки до корки и решил написать сочинение про Любовь Шевцову, которая мечтала стать актрисой и выдавала себя за неё, чтобы выведать военные секреты у немцев. Я даже исписал целую тетрадку о характере, поступках и героизме молодой комсомолки Шевцовой со ссылками на цитаты, котлрые отметил в книге закладками. Осталось только ждать начала учебных занятий.

Первый же урок литературы был посвящён «Молодой

гвардии». Лидия Петровна по очереди называла имена главных героев: Олег Кошевой, Ульяна Громова, Сергей Тюленин и выбирала отвечать тех, кто поднимал руку. Когда дошла очередь до Любви Шевцова, поднял руку только я, заранее предупредив всех, что эта героиня – моя. Поджав губы, Лидия Петровна вызвала меня, сказав, чтобы я был краток, потому что до конца урока осталось мало времени.

Вот и наступил мой звёздный час: я читал свой «опус», то возвышая голос, то переходя почти на шёпот, изображая то немцев, то молодогвардейцев, подкрепляя своё выступление цитатами из книги, как вдруг прозвенел звонок. Но никто не тронулся с места и все закричали: «Пусть дочитает!» В класс заглядывали удивлённые ученики, что это мы сидим на перемене? И я дочитал до конца. Сначала была тишина, потом аплодисменты, когда Лидия Петровна вывела в журнале жирную пятёрку. Все повскаали с мест с криками: «Ты как артист! Тебе надо стать писателем!» Меня поздравляли, словно я защитил диссертацию, и только Аля сидела с равнодушным лицом, силясь показать, что ей всё равно. А вот та, для которой я и старался, Лера, осталась действительно равнодушной – высокие материи её не интересовали...

Но не это было для меня шоком, а то, что Лера как-то заболела и когда я пошёл навестить, в её комнате уже сидел ... Генка из 10-го. Потоптавшись и спросив про здоровье, я ретировался и решил забыться, полностью погрузившись в учёбу. Очередная реформа школьного образования устано-

вила 8-й класс выпускным, и впереди нас ждали экзамены. Надо было исправлять плохие оценки и серьёзно готовиться, ведь мы учились кое-как, высчитывая, кого спросят, а кого нет. Перед уроками договаривались, чтобы те, кто учил, тянули руки, учителя это любят и не вызовут тех, кто профилонил. Но система давала сбой, и однажды я глупо попался на этих подсчётах.

Была у нас учительница по физике, милейшая особа, которая спрашивало точно по списку по три человека за урок. Подсчитав свою очередь, я беспечно «филонил» и не учёл того, что многие отсутствовали по болезни – гулял грипп. Когда меня неожиданно вызвали, я долго топтался у доски и тупо смотрел на металлические шарики на верёвочках, потому что даже не знал, о чём идёт речь! Мне подсказывали, но из всеобщего шёпота я ничего не мог понять. Наконец общими усилиями я что-то пробормотал о силе действия и противодействия. На что обаятельная Марго мне сказала: «Вы сегодня плохо подготовились, салитесь, четыре!» А я думал, что влепит тройка, сработал авторитет примерного ученика!

Самая короткая четвёртая четверть пролетела быстро, экзамены я сдал на отлично, по годовым отметкам подкузьмила только литература. Лидия Петровна хотела поставить три, но под давлением учителей согласилась лишь на четыре. Выпускного особенного не было, все просто разъехались по домам: кто в Москву, кто в Ленинград, кто в Ригу, а я во Львов. Восьмой класс позади, а кто вернётся в девятый было неиз-

вестно. И рыжеволосую Леру Легостаеву я больше не видел, зато черноволосую Аню Грамову встретил вновь несколько лет спустя. Но это будет в более взрослой жизни и в другой главе.....

ГЛАВА 2: Будапешт – столица мира.

Осенью 58-го года , окрепшие и подросшие, загорелые и возмужалые, мы почти в полном составе вернулись в родную школу. Не было только Леры, её родителей перевели, кажется, в другую страну, да и Генки не стало, он окончил десятый класс ещё до реформы, а нам предстояло учиться до одиннадцатого. Приехали и неразлучные подруги Вера с Надей, похорошели, пополнили, приобрели красивые женские формы. Появилась и новенькая –Фатима Уразбаева, мы её окрестили Фаей. Очень миленькая и смешливая татарочка, она сразу приглянулась Филиппу Латипову, его все звали просто Филя, но он не обижался, хотя был крепко сложен и мог если надо и поколотить. Я же решил больше не связываться с противоположным полом и приналёг на учёбу.

Учиться было легко, программу двух лет растянули на три года, уроки русского языка отменили, дали больше немецкого, ещё географию и биологию перенесли из седьмого класса в девятый. К тому же у нас не было военной подготовки, ведь мы жили в дружественной стране, и занятий по труду. Мы не сколачивали табуретки, а девочки не вышивали крестиком. Я выполнял дома только письменные задания, а устные схватывал от учителей на уроках, так что свободного време-

ни было много. Его я посвятил изучению венгерского языка, записался на курсы при доме офицеров. Хотя общаться со сверстниками я мог, свободно изъяснялся на улице и в магазине, но серьёзных знаний не было.

На курсах занимались в основном молодые жёны офицеров, которые смотрели на меня свысока, но я не обращал на них внимания. Мать туда не ходила, а в свои частые походы на рынок или в магазин вполне обходилась тем запасом, что имела. Правда, она всегда путала словосочетания *nem kell* – нет, не надо и *nincs* – нет, не имеется. Когда ей предлагали какой-нибудь товар и мама говорила *nincs*, продавцы думали, что у неё этого продукта нет и клали его ей в пакет. Поэтому в магазин ходил чаще всего я, заранее написав список на венгерском, а полная в очках с толстыми стёклами продавщица, которая мне очень симпатизировала, носилась за прилавками, собирая из разных отделов всё по списку в один пакет. Правда, и я оскандалился однажды, попросил *Margit*, так её звали, вместо *egy kilo kenyér* – кило хлеба, его продавали на вес, *egy kilo kenyv* – килограмм книг, чем насмешил всех окружающих.

Ещё один курьёзный случай произошёл дома. Когда я приехал из школы, то застал в коридоре мужика, который стоял на табурете и что-то ковырял в потолке. Я пытался выяснить, кто он такой и что тут делает, но понять друг друга мы так и не смогли. Вдруг он запел: «Взвейтесь кострами синие ночи...», из кухни вышла мать и подхватила: «Мы пи-

онеры, дети рабочих!»». Оказалось, это был Imre – электро-монтёр, по- русски он мог только петь, так и развлекал нас, пока делал свою работу. Однако во время чая договорился с мамой, что мы придем к ним в гости. Пошли мы в ближай-шее воскресенье, надо сказать, что городок в этот день вы-мирал, не работали продуктовые магазины. Горожане отды-хали дома или всей семьёй вместе с малыми детьми ходили в театр, кино, клубы на развлекательные мероприятия и даже в ресторан. Или в гости, как поступили и мы . Это было неда-леко от нас, Mariska, жена электрика, угощала макаронами с томатом и paprikas, острым венгерским блюдом из перца. Двое маленьких детей возились с сестрой, а мама пела с Imre пионерские песни. Взаимные походы друг к другу в гости продолжились, но меня ждало более интересные встречи.

Вообще-то знакомых среди жителей у меня было много, начиная от продавщиц до местной молодёжи. Но особо я сдружился со скромным пареньком по имени Istvan, с кото-рым мы облазили все окрестности. Ездить в центр столицы было дороговато, а о том, чтобы прокатиться на электрич-ке зайцем не было и речи. Поездка на автобусе стоила ещё дороже, там за откидным столиком сидел мужчина-кондук-тор и всем входящим через заднюю дверь продавал билеты, а через переднюю только выходили. Однажды я необдуман-но в спешке заскочил через переднюю дверь, так водитель автобуса не поленился выйти и вытащить меня со всякими словами, многие из которых я не понял. Конечно это не ка-

салось женщин и детей, но они сразу передавали деньги на билет, иначе им пришлось бы несладко. Можно было купить vonat – талон с двойной пересадкой или обратный, что было дешевле. У кондуктора были билеты и на городской транспорт, включая метро, самое первое и самое старое в мире. Но это был обычный трамвай, правда, как поезд, состоял из нескольких вагонов и на окраинах выходивший на поверхность.

А наземный трамвай был как минимум из трёх вагонов и ходил по широким проспектам столицы и не загрязнял атмосферу, в отличие от дизельных автобусов, которые выпускали клубы дыма как паровозы. Мы же с Иштваном предпочитали ходить пешком и настроились посещать различные выставки и ярмарки, где лакомились недорогим, но вкусным мороженым – три разноцветных шарика на вафельном рожке и пили газированную воду – szodaviz. Я же собирал красочные буклеты и оригинальные сувениры, которые раздавали бесплатно.

Istvan плохо говорил по-русски но помогал там, где мне было сложно с венгерским, да и в наших походах можно было обойтись и жестами. Но моя настоящая языковая практика началась, когда в нашу школу накануне Октябрьских праздников приехала делегация учащихся и преподавателей венгерской гимназии из рабочего пригорода столицы Csepel. Нас всех собрали в актовом зале, начались взаимные приветствия и поздравления. Доверили выступить и мне, как веду-

щему школьных вечеров, язык у меня был подвешен хорошо! Я, конечно, не удержался и «блеснул» своими познаниями венгерского. Не знаю, поняли меня все или нет, наши точно не поняли, но аплодисменты были с обеих сторон. Гости показали небольшой концерт, мы же отделились сладкими угощениями. Затем танцы, я сразу пригласил черноволосую девушку, которую заметил раньше, после танца отвёл за свой столик, а не туда, где сидели остальные, и не отпускал до конца. Magdalena, так её звали, говорила со мной по-русски, я отвечал на венгерском, добавляя немецкие слова, она смеялась и поправляла, нам было интересно и весело. Но пришла пора прощаться, все стали обмениваться адресами, а завуч Мария Васильевна, проходя мимо, прошипела: «Адрес не давай!» Но я жил в городе, а не в части, и на её слова не обратил никакого внимания. Magda же всё поняла и спросила: «Почему?» На что я ответил: «Это военная тайна!». Прощание было грустным, мы договорились нанести ответный визит и подготовить большую концертную программу.

Началась оживлённая переписка, почти каждую неделю я получал от Магды обстоятельные письма, где она рассказывала о себе, о своих родственниках, о своём доме. Писала красиво и аккуратно по-русски, иногда вставляя венгерские словосочетания, которые не все были понятны мне. Я пытался отвечать по-венгерски и даже по-немецки, но Магда, похвалив мои познания, настояла на русском, в котором она хочет совершенствоваться, и просила указывать на её ошиб-

ки, что я и делал. Мои просьбы о встрече она отклонила, сославшись на сильную занятость и очень большую трудность в поездках до центра Будапешта.

Ну что ж, кроме переписки, я с головой ушел в подготовку к школьному новогоднему вечеру: писал тексты, разыгрывал скетчи с ребятами, к тому же я был главным ведущим! Старшекласников в школе было мало, поэтому каждому пришлось участвовать в различных ипостасях. Не меньше меня крутился и Латипов, он мог играть на разных инструментах и выбить чечётку даже на табуретке! Мы с ним сошлись во взглядах на искусство и вечерами обсуждали разные элементы программы, тем более, что жили рядом. Всё это отнимало много времени, которого не хватало на учёбу, и я стал часто получать за ответы на уроках заслуженные тройки, которые грозились перейти в четвертные, о чём уже предупреждали учителя.

Однако самый жестокий удар ждал меня впереди – на прослушивании нашего будущего выступления завуч Мария Васильевна назвала фамилии тех, кто поедет в Чепельскую гимназию представлять нашу школу, всех, кроме меня. «Как, почему? Он же главный ведущий!» – закричали ребята. «Его заменит Латипов, незаменимых нет! А Федулов пусть исправляет тройки и пересмотрит своё поведение» – отчеканила завуч. И я понял, откуда ветер дует, кто-то доложил о моей переписке с венгеркой, хотя я этого и не скрывал.

Наступил день поездки, я тоже собрался, а девчёнки спря-

тали меня на заднем сиденьи автобуса, прикрыв своими широкими юбками, которые тогда были в моде. Мария Васильевна, проверив всех по списку, дала добро и вышла – сама она ехала в легковой машине с другими учителями. Двери закрылись и я выскочил из своего укрытия, начав победный танец в проходе. Вдруг двери опять открылись и завуч, что-то вспомнив, вошла в салон. Я застыл в нелепой позе, а Машка, так мы её прозвали за-глаза, завопела: «Во-о-он!» И я послушно поплёлся к выходу под сочувствующие взгляды ребят и водителя Васи...

Но не на того напали! Когда все уехали я метнулся на электричку и доехал до Восточного вокзала Keleti. И тут начались мои приключения! Надо было ещё ехать на Западный вокзал – Nyugati, увидев нужный мне автобус, я побежал чеоез дорогу наперекосяк, чтобы успеть заскочить. Но возле дверей меня уже поджидал полицейский, который, похлопывая дубинкой по своей ладони, начал читать мне длинную проповедь о неотвратимости наказания за нарушение правил. Я забормотал: «Nem tudom, en nem magyar – Не знаю, я не венгр!» «Orosz – русский?» – спросил он и стал объяснять всё то же самое уже вроде по-русски, из чего я понял только: «Не карош, не карош!» . Пришёл другой автобус, коп даже посадил меня, похлопав по плечу, говоря уже: «Карош, карош!», но время было безнадежно упущено.

На вокзале я купил билет до Чепеля и сел в электричку, предварительно спросив, идёт ли она в Чепель – «Megyunk

Csepelbe?». Какой-то дядька кивнул головой: «Igen – да!». Прошёл почти час, поезд мчался в темноту, а ни одной остановки ещё не было. Пришел контролёр, посмотрел мой билет и зацокал языком: «Az ugy rosszul all Polgar!» Из его объяснений я понял, что сел на скоростную электричку, которая уже давно проскочила Чепель и едет в город Szeged и мне надо доплатить за проезд. Я как мог объяснил свою ситуацию, и он сжалился надо мной. Когда поезд остановился, сказал мне, когда и на какую электричку сесть и дал даже обратный билет.

Но повторюсь, время было потеряно окончательно. Когда я всё-таки добрался до гимназии, вечер заканчивался, меня поначалу не пускали, и с трудом пробившись в зал, среди всех около сверкающей ёлки я увидел наряженную как цыганка Магду и рядом с ней Филиппа... Она тоже увидела меня и пошла навстречу: «О, Валер, я тобой скучала сама! А Фил сказал, что ты болел?» . Учителя все остолбенели, а ребята закричали: «Ура, дед Мороз пришёл!», чем и разрядили обстановку. Наверное, мои едва проступающие усики и борода были в инее – зима всё-таки!

Что было дальше я помню как в тумане, Моя Магда пригласила меня на танец csardas, которым всегда начинались и заканчивались нгерские вечеринки: мои руки у неё на талии, её руки на моих плечах, резкие движения, крутые повороты, шальное кружение – незабываемо! Потом она проводила меня до школьного автобуса с обещанием приехать... Дорогой

все наперебой рассказывали, как прошло выступление, я же делился впечатлениями от долгого путешествия.

На следующий день я действительно заболел и пропустил даже наш новогодний вечер. Зимние каникулы провалялся в постели и слушал по радио передачи о Кубинской революции, как Фидель Кастро с группой «бородачей» скинул режим диктатора Батисты. Ко мне приходил Фил и мы вместе скандировали: «Kuba libre! No pasaran! Venceremos!» Когда я пришёл в школу, никто меня, даже Мария Васильевна ни о чём не спрашивал. Началась третья четверть, самая серьёзная и долгая, надо было исправлять плохие оценки и особенно поведение...

Несмотря на «длинноту» третья четверть пролетела быстро и принесла по основным предметам пятёрки, хотя круглым отличником я уже не стал. Короткие весенние каникулы и короткая четвёртая четверть, повторение пройденного и формальное посещение занятий в школе. Только переписка с Магдой наполняла мое существование смыслом, но и она стала редкой: Магдольна, это её имя на местный лад, заканчивала последний год гимназии и усиленно готовилась к выпускным экзаменам. В Венгрии дети идут в начальную школу с шести лет, потом средняя до 14-ти лет и три года гимназии, затем по выбору колледж или университет. Так что моей венгерской подруге и мне было по семнадцать, потому что я пошёл в школу в восемь лет

И моя Магди приехала – уже не с делегацией, а с несколь-

кими гимназистками поздравить всех нас с Первомаем. Никаких застолий не было и когда девушки засобирались обротно, я, конечно, увязался с ними, Магда уговорила шофёра взять меня с собой. Это была незабываемая поездка по Королевской дороге, которая уложена плитками и не пересекается ни с какой другой, по залитыми огнями проспектам вечерней столицы, по ажурным мостам над сверкающей водной гладью «голубого» Дуная. Мы сидели с Магдой рядом, она мне всё показывала и рассказывала, говорила, перемежая русские слова с венгерскими, а я молчал и слушал, глядя только на неё, не замечая никого вокруг...

Но эту идиллию нарушил водитель, который привёз нас на автовокзал и сказал мне выходить, потому что ему надо отвезти девушек по домам. Расставание было грустным, но коротким, ведь последний автобус в Kertvaros уже пыхтел своей трубой. Кроме меня на заднем сиденьи только двое подвыпивших мужиков горланили непристойные песни. Кондуктор пытался их урезонить, но они продолжали петь. Тогда он астановил автобус и с помощью водителя высадил пьянчуг на пустынном шоссе, и автобус помчал дальше в ночную темноту, увозя меня от радости к печали...

Когда я пришёл домой, отец уже спал, оставив ключ внутри замка в скважине. Мне пришлось лезть на балкон со стройки, примыкавшей к нашему дому, благо, мы жили на втором этаже, и стучать в стеклянную дверь. Отец не скоро открыл, но сразу спросил: «Где ты шлялся?» Я попытался

отшутиться: «А ты где был, что заснул так крепко?» За что получил затрещину со словами: «Поезжай к матери, пусть она тебя сама воспитывает!» Учебный год подходил к концу, мы завершали его раньше, чем в Союзе, Магда сдавала экзамены и готовилась поступить в колледж. Меня уже ничто не удерживало, и я уехал во Львов...

Очередная осень принесла очередные разочарования. Заболела мама, она и раньше жаловалась на сердце, а тут и во все слегла в больницу. Сестра Виктория самостоятельно пошла в первый клас в 54-ю школу, что выбрала сама. Брат Лёва женился и ушёл жить на Погулянку на окраине города, так что всё хозяйство оказалось на мне. Приготовить еду или помыть посуду было не трудно, но следить за уроками сестры – сложно. В родную 35-ю школу я не пошёл, там в старших классах ввели техническую специализацию, а устроился в 13-ю на Спартака, рядом с типографией, где нас приобщали к трудовой жизни.

В классе познакомился с симпатичной блондинкой, очень близорукой, но как поётся в песне, «с поволокою в глазах». Звали её Рая, но я переименовал на Зая, уж очень она была мила и подвижна, тем более, что звук «р» мне давался с трудом. Мы вместе готовили уроки, я помогал ей по физике, химии и даже черчению. Ходили на вечеринки, в кино, просто общались, но не более. Я всё время вспоминал Аннушку, с которой мы гуляли под дождём, её мокрые чёрные волосы и сладкие губы вкуса мёда. Но саму Анну найти не мог, она с

отцом переехала куда-то в пригород и даже её подруга Нина не знала ни адреса, ни телефона.

Жизнь шла своим чередом, скучно и однообразно – занятия в школе, хлопоты по дому, редкие походы в кино и вечеринки, пока не приехал отец. Он забрал мать из больницы и повёз нас опять в Венгрию, поехал и Лёва, у которого в институте как раз начались зимние каникулы. Брат проявил предприимчивость и запасся несколькими советскими фотоаппаратами, которые очень ценились за границей, чтобы там продать и на вырученные деньги закупить жене модной одежки.

Надо сказать, что наши поездки не считались выездом за границу, а просто в Южную группу советских войск, поэтому никакие визы не были нужны и штамп в паспортах не ставился, хотя пограничный досмотр был. Однажды моя сестричка отчебучила, после окончания досмотра она протянула своего плюшевого мишку: «А Вы его посмотрите» Хорошо, пограничник оказался с юмором и только улыбнулся, сказав: «О, csinosz kislany!», а могло быть и хуже – вспороли бы мишке живот!

Жалование отец имел неплохое, он уже дослужился до майора, но часть денег получал в форинтах, другую часть клали на книжку в рублях, поменять которые было нельзя. Поэтому жили мы скромно, мясо, масло, сыр – самые дорогие продукты, были редко, мы питались в основном дешёвы-

ми овощами и фруктами: картошка, свёкла, морковь, яблоки, груши, сливы, особенно томаты – paradicsom и перец – paprika разной силы остроты были во всех венгерских блюдах, также и у нас. Однажды, будучи с отцом на рыбалке и видя, как мужики закусывают стручками, откусил кусочек и стал с криком бегать вокруг костра. Отец поймал меня и влил в горло глоток водки – острое гасят острым!

В школе меня встретили с бурным восторгом, только Альбина хранила гордое равнодушие, да мне было уже всё равно. В классе появился высокий и плечистый парень Володя Клименко, которого сразу окрестили: «дядя Вова из Ростова» – он оттуда и приехал. Фил уже «стакнулся» с ним и примкнувший я образовали дружную тройку «мушкетёров», Атос, Портос и Арамис был, конечно, я. Мы собирались во дворе, прятались за беседкой, курили и «травили» анекдоты, которых я знал огромное множество, а Фил рассказывал про женщин, но красиво и не пошло.

Но я стал замечать, что они вдвоем куда-то исчезают вечерами и спросил об этом напрямик. «Деньги есть? Пойдём с нами!» – предложил Фил. У меня оставались только рубли, но это не помешало поехать втроём в ближайшую деревню и зайти в корчму. Надо сказать, что венгерская söröző – это уникальное место, где за кружкой пива можно просидеть весь вечер и просто пообщаться с друзьями, обсудить важные новости или местные сплетни. Приходят не только мужчины, но и женщины, был даже фильм «Кружка пива – Egy

korso sor», где главную роль играла звезда венгерского кино Eva Rutkai. Вот такая Ева под села к нам, потом привела ещё двух подружек и завязалось всеобщее застолье, кроме пива и вина подавали колбаски и сыр, было весело и шумно.

От пенистого пива и крепкого вина у меня закружилась голова. Ева, о чём-то пошептавшись с Филом, взяла меня под руку и повела куда-то по улице. На свежем воздухе мне чуть полегчало, помню какой-то дом и полутёмную комнату с диваном, куда я сразу завалился. Потом тёплые женские руки, растёгивающие мою одежду и ласкающие моё голое тело и набухший член. И нежный шёпот: «Gyerünk tokfilko!». И полный провал, я то падал в глубокую пропасть, то взлетал высоко в небеса. И боль и наслаждение, стыд и радость и горячее женское тело, мягкое и податливое.

Потом умиротворение и отрезвление, пришли Фил с Вовкой, весёлые и довольные, с подружками, и закричали: «Ну как, пойдём, отметим твоё посвящение в мужики!» И мы пошли продолжать гулянку, но я больше и не пил, был пьян до края. Прощаясь, сунул Еве не глядя в глаза рублик, но она не взяла, сказав: «Semennyit cukroc szívd!»...

Дома меня опустили с небес на землю: мать спросила, где я гулял и почему пришёл пьяный. Отец же только констатировал: «Я вижу, что ты уже хорошо усвоил три венгерских слова – sor, bor, palinka (пиво, вино, водка)?» Мать добавила: «Какой пример он подаёт дочери?» Я же вспылал и прокричал: «Я уже взрослый и буду делать, что хочу. А сестра

девчѐнка и пусть дежится за твою юбку!» И добавил, что мне надоело отчитываться за каждый шаг и есть варѐную картошку и морковь. Отцу почему-то три месяца не платили жалование и мы питались без мяса и масла.

Как бы там ни было, учебный год закончился, отцу выплатили все задолженности, он купил мне билет и отправил во Львов к брату, который с женой Инной жил в нашей квартире. По дороге я, конечно, попал в небольшой инцидент: на пограничной станции Чоп, где у вагонов меняли оси, потому что наша колея была шире европейской, я вышел погулять ... в шортах. Меня тут же остановила милиционеры, которые стали допытывать, кто я и откуда. Пришлось вести их в вагон, который уже стоял на домкратах, и показывать советский паспорт. А в Союзе ходить в шортах вне пляжей было запрещено!

Вже вдома у Львові я відчув себе як риба у воді – щуку кинули у річку! Брат з жінкою були молоді, студенти – вона навчалась у медичному інституті, він у політехнічному, частенько збирались з друзями на «вечорниці» – пили сухе вино, співали багато пісень, переважно танцювали. Зрідка приходила Рая-Зая, я проводжав її після гулянки трохи п'яний і трохи веселий і нічого більше, просто вертався додому – перед очима стояла тільки Єва і та ніч у невідомій темній кімнаті...

«Райская жизнь» продолжалась недолго – приехала мать и устроила всем загон: Лёву с Инной она выгнала, он даже

не сказал, что они расписаны. Досталось даже Рае ни за что ни про что: она имела неосторожность прийти ко мне и попала под горячую мамину руку: «Ах вы такие-сякие, ходите к парням домой!» Зайка убежала вся в слезах, я догнал её и просил прощения за мать – она ничего толком про тебя не знала! Мы продолжали вместе учиться, я опять пошёл в 13-ю школу, встречаться после уроков и гулять по осеннему Львову, но теперь уже я заходил к ней домой.

Рая жила недалеко от центра города в большом старом доме, и однажды я попал в неприятную ситуацию – поднявшись на их этаж, я услышал крик: «Никуда ты не пойдёшь, пока не уберёшь в комнате!» Видно, все матери одинаковы, и меня заставляли делать уборку, хотя дома я почти целый день отсутствовал. Однако ежевечерние «разборки» с матерью мне надоели, я собрал свои вещи и учебники и вернулся к отцу.

В родном классе меня встретили с радостью, но которая сменилась горечью. Не было дяди Вовы и Фила, они попали в венгерскую полицию за пьяную драку с местными и вместе с родителями их отправили в Союз. Исчезла и Фая, говорили, что она пыталась сбежать с каким-то парнем в Вену, но их задержали на австрийской границе, а это уже был криминал. Только Вера, Надя и Альбина оставались на месте, а я, растеряв почти всех друзей, налёг на учёбу и курсы венгерского языка.

Занятия в школе были монотонными, мы снова повторяли пройденное, вечера скучными, меня на них уже не при-

влекали, а вот курсы! Там одна молоденькая жена офицера проверяла на мне свои познания венгерского языка и выказывала некоторую симпатию. Но я, убоившись за судьбу её мужа и своих родителей, говорил с ней только о грамматике. Венгерский язык очень сложный, относится к угро–финской группе и не похож ни на один европейский. Одних падежных окончаний более тридцати, в отличие от примитивного одного в английском – s . А чего только стоят венгерские названия общепринятых международных терминов: революция, конституция, республика – forradalmar, alkotmar, koztarsasag, язык сломаешь! Но у меня, как говорили, есть склонность к языкам, я делал определённые успехи, хотя проверить это было некому – Магда на мои письма не отвечала...

Учебный год пролетел как один день, пришла весна, май, наступили выпускные экзамены, которых было аж двенадцать! Почти все я сдал на пятёрки и хотя на золотую медаль не потянул, результат был вполне отличный. Прощальный вечер, девчёнки все в форменных платьях и белых передничках – они так решили, мы в белых рубашках и в галстуках, без пиджаков – середина июня, жарко! Торжественная речь директора, завуч со слезами на глазах вручает нам аттестаты зрелости, а малышня дарит маленькие букетики, мне – моя сестра, мама приехала!

Звучит незабываемый школьный вальс, девушки уже переоделись в бальные платья, начинаются танцы. Я пригла-

шаю всех их по очереди, потом учительниц, даже Марию Васильевну, и мою любимую Маргариту Львовну, «немку», которая прочит мне дипломатическое поприще. И Лидию Петровну, у неё прошу прощения за всё, которое она благосклонно принимает. В перерывах ребята бегают покурить, уже в открытую и не пряча сигарету в рукаве. Я в этом не участвую, мне грустно, потому что нет рядом любимого человека...

Мать с сестрой уехала домой, родители с учителями сели пировать, а нас дядя Вася повёз на прощание с Будапештом. Почти тот же маршрут, что в прошлом году с Иштваном: Королевская дорога, площадь Героев, проспект Кошута, но не те ощущения. Тогда это была радость встречи, а сейчас – горечь прощания. Мы объехали Пешт и остановились возле величественного здания парламента на берегу Дуная. Там присоединились к экскурсии и вошли с ней в зал заседаний. И тут я увидел Магду! Она вышла из узкой боковой двери наверху – высокая, красивая и выглядела на фоне готических окон как королева!

Магда подошла к нам, слегка кивнув мне, представилась экскурсоводом и повела нас по залам. Многие её узнали, но в этом здании не пристало проявлять эмоции, и все молча пошли за ней. Я почти ничего не видел и ничего не слышал, только в висках стучало: «Как подойти и как заговорить?» Но Магда сделала это сама, шепнув мне на выходе: «Вы у меня последняя группа, подожди меня на площади» Дяде Васе

я сказал, что доберусь сам, он понимающе кивнул и уехал со всеми. А я остался ждать с замиранием сердца.

Ждал я долго, наконец Магда вышла ещё красивее, чем была, мы побежали в кафе наскоро перекусить. Потом поехали в Буду через мост в длинный туннель и оказались на площади возле Королевского замка – Kiraykasztesy. А на Рыбацком бастионе – Halaszbastya, откуда открывался вид на Пешт, мы впервые поцеловались и я впервые ощутил сладко-горький вкус её губ. Потом долгий подъём на гору Геллерт, когда её уже окутывал ночной туман. Но сквозь него было видно море ярких огней, которые потоком выливались из туннеля под нами, как языки пламени из горла дракона...

Мы не заметили, как наступила полночь, и мне и Магде ехать домой было далеко. И она предложила пойти к тётё, которая жила недалеко в Старой Буде – Obuda. Мы недолго шли узенькими улочками, пока не оказались перед каменным домиком с деревянными ставнями. На стук никто не ответил, Магда пошарила под ковриком, нашла ключ и открыла дверь. «Тётя, конечно уехала в село – сказала она и сразу: Ты спать здесь!» Постелив мне на диване, пока я стоял как замороженный, Магда ушла в другую комнату, пожелав спокойной ночи и заперев дверь.

Я долго лежал пластом, не шевелясь и почти не дыша. Потом встал, на цыпочках подошёл к двери и рывком открыл. Она оказалась не заперта, а в проёме стояла Магда в ночной сорочке, босиком и с ключём в руке. «Я хотела знать, тебе

ничего не надо...», но я закрыл её слова поцелуями, шепча: «Надо, надо!» Под ночной сорочкой я нашёл мягкое девичье тело, упругие маленькие груди и нежное и влажное лоно. Ключ упал со звоном, мои трусы соскользнули на пол, мы вздрогнули и рухнули на постель, улетев куда-то далеко-далеко, Магда бессвязно что-то шептала, изредка вскрикивая, а я слышал свой стон, доносящийся откуда-то сверху...

Когда мы проснулись, солнечные лучи уже пробивались сквозь закрытые ставни. Я увидел на столике маленькую женскую фигурку в цыганском одеянии и зажал её в кулаке, пока Магда варила кофе. Мы быстро выпили его и выскочили на улицу. Под нами лежал ещё тёмный утренний город, хотя солнце уже подымалось из-за крыш домов. А мы стояли наверху, обнявшись, под его лучами и поклялись не разлучаться никогда. Магда спешила на работу, она хотела поступать в университет на русский факультет и предложила мне: «Ты хорошо знаешь венгерский – давай тоже к нам поступай!» Окрылённый этой идеей, мы договорились встретиться там, со словами: «Csokolom kezeit!» я сел в автобус, а Магда осталась стоять и ветер шевелил её чёрные с золотыми бликами от солнца волосы...

Дома разыгралась настоящая драма, куда пропал, где был и что делал всю ночь? Я сказал, что ночевал у венгерских друзей и решил с ними поступать в университет. «Как, ты хочешь остаться в чужой стране?» – запричитала мать. Но отец был более резок: «Изменить Родине? Или откосить от

армии? Не бывать этому! Собирайся, поедешь во Львов, там будешь поступать» И через несколько часов отец отвёз меня на вокзал, посадил на поезд и отправил в Союз. Там как раз заканчивалась Хрущёвская оттепель и надвигался Брежневский застой. А меня ждала новая взрослая жизнь, неведомая и не предсказуемая.

Но Венгрия и Будапешт навсегда стали для меня символом другой, более современной жизни, иного, лучшего мира и местом моей первой любви. Впопыхах я даже не посмотрел название улицы, но дом, где мы были вдвоём, я бы нашёл с закрытыми глазами. а от Магды осталась только маленькая фигурка цыганки, похожая на неё.....

Viszontlatasro, az elso szeretet, Magyarorszag, Budapest!!!

Глава 3. Мои университеты: завод, театр, армия

По приезду во Львов я сразу взялся за подготовку к экзаменам в высшее учебное заведение: купил толстый справочник для всех абитуриентов. Передо мной развернулась география великой страны – СССР, я написал письма в несколько вузов разных городов: Москва, Ленинград, Киев, Свердловск на Урале и даже в Красноярск в Сибири. Из Московского государственного университета ответили быстро: согласно реформе образования приём документов осуществляется только у тех , кто имеет стаж работы по выбранной специальности не менее двух лет. Подобные письма пришли позже из других городов, так что дорога в вузы мне была временно перекрыта.

Однако я не сдавался, узнав, что некоторые мои одноклассники устраивались на работу ещё в школе, чтобы заработать стаж, я помчался туда, где нас приобщали к труду – в типографию. Там меня хорошо помнили и выдали справку о том, что я действительно отработал два года в печатном цехе. Но с этой сомнительной бумагой я не мог никуда поехать, поэтому сдал документы в Украинский полиграфический институт на специальность редактирование печатных изданий. Таких вузов в Советском Союзе было всего три, и один во Львове.

Перший іспит був з української мови та літератури – твір. Я витяг зошит Ліди Фарцевої і декілька разів перечитав нотатки про Лесю Українку, недарма вулиця, на якій знаходився головний корпус навчального закладу носить її ім'я. І о, Боже, ця тема – серед трьох інших! Я старанно написав усе, що запам'ятав, та з нетерпінням чекав на підсумок. І він не забарився, коли я прийшов на усний іспит з літератури – мій твір одержав три бали. Ошелешений, я навіть не дізнався, скільки помилок треба зробити на таку оцінку! Настрій у мене було зіпсовано.

Усний іспит став ще гіршим для мене. Квиток, який я витягнув, складався з чотирьох питань, і першим стояло про творчість Івана Франка, яку я добре знав. Навіть декілька разів ходив до його музею, що був розташований неподалік дитячої залізниці, де я працював до сьомого класу. Отже, я почав з натхненням відповідати на перше питання, але ви-

кладач перервав мою натхненну розповідь, сказавши: «Цього питання Ви не знаєте, переходьте до наступного» «Так? – запитав я.– Тоді мені з Вами нема про що говорити!» Взяв квиток екзаменаційний і пішов за своїми документами. На другий день сів на поїзд і поїхав у Ленінград: прийшов лист, що там приймають в університет на філологічний факультет без обов'язкового стажу.

Ленінград встретил меня хорошей солнечной погодой, а не дождём, как поётся во многих песнях про этот чудесный город. Я поселился у знакомой жены брата в маленькой комнате большой коммунальной квартиры недалеко от Невского проспекта. Но ни его красота, ни величолепие Зимнего дворца, ни блеск шпилей Адмиралтейства и Петропавловской крепости не отвлекали меня от главного, ради чего я приехал – экзаменов.

Первый из них, конечно, сочинение, я писал его, сидя в главном корпусе ЛГУ на Университетской набережной у раскрытого окна с видом на Неву и Медного всадника – памятника Петру Первому на другом берегу. Повезло с темой: «Образы молодых героев в советской литературе». Я, конечно, сделал упор на молодогвардейцев, добавив кое-кого из других произведений, и получил четыре балла. Такую же оценку дали и за устный по литературе, и, как ни странно, экзамен по немецкому языку. Я хорошо прочитал текст и блестяще перевёл его, хотя мне сказали, что перевод вольный, но литературный. А на вопросы отвечал, путая немецкий с

венгерским, чем озадачил экзаменаторов.

Но вот история меня подкузьмила: я бойко отвечал на первые вопросы, а последний – о всем известном восстании Пугачёва, почему-то ввёл меня в ступор. Я не смог назвать характер восстания, его движущую силу и даже вспомнить соратников предводителя ! В результате – три, я не дотягивал до проходного балла. Но всё же в список поступивших попал, хотя был в числе последних. Сразу послал радостную весть домой, купил билет на завтра и перед отъездом зашёл в деканат за справкой о приёме. А там меня огорошили: пришла разнарядка на пятерых абитуриентов из народов Севера, и пять человек из списка пришлось убрать, в их числе и меня. Так я покинул Ленинград, не полюбовавшись на достопримечательности и впопыхах забыв выключить газ в плите на общей кухне, где на верёвке сушились мои постиранные носки...

Львов вернул меня к реальной жизни – надо было искать работу и зарабатывать стаж. С ним я мог бы сдавать хоть все экзамены на тройки: проходной балл для «трудовиков» был меньше, ведь знания, приобретённые в школе, с годами «выветриваются»!

На работу меня устроили по «блату» – знакомству: в трёхэтажном особняке по улице Байкальской на Погулянке кроме брата с женой Инной Малышевой, её сестры с мужем Борисом Теменевым и дочкой Катей проживали ещё жильцы. Одна из семей была очень дружна с молодыми – это Нико-

лай Васильевич и Марта Алексеевна Колонские и их взрослая дочь Даша, которая была тайно влюблена в Лёву. Так вот, Николай Васильевич, который работал референтом директора Львовского завода автопогрузчиков, кстати, единственного предприятия подобного рода в Советском Союзе, и устроил меня учеником слесаря в экспериментальный цех.

Завод занимал огромную территорию между двух улиц на окраине Львова и выпускал с конвейера автопогрузчики для всего Союза. В нашем же цехе собирали вручную погрузчики на экспорт, в основном в арабские и африканские страны: ставили кабинки, покрашенные в жёлто-оранжевые цвета, и различные прибабасы в виде мягких сидений, гидравлического руля и удобных ручек управления. А на советских погрузчиках водитель работал под открытым небом и в дождь, и в снег и в мороз. Но зато они не ломались и были надёжными в любую погоду! Сборка экспорта проводилась в большом цехе несколькими рабочими, женщины занимались покраской кабин, правда, в отдельном боксе, но едкий запах проникал повсюду, вот почему я с тех пор ненавижу оранжевые апельсины.

Нашу родительскую квартиру брат сдавал рыночным торговцам с Кавказа, и она всегда была заставлена ящиками с экзотическими фруктами, от одного вида которых меня воротило. Поэтому я жил у Лёвы на Погулянке, и до какого-то времени это всех устраивало. Я вставал в пять утра, наскоро съедал приготовленный с вечера Инной завтрак и мчал вниз

по улице на конечную остановку трамвая номер семь. Ехал с полчаса, досыпая на заднем сиденьи, через весь город почти до другого конца маршрута. Хорошо, что наш цех находился рядом с проходной завода и я, проскочив её за пару минут до семи – начала смены, мог расслабиться.

На работе мне доверили «ответственный» участок: очищать от ржавчины, заусениц и грязи различные железяки, подготовленные к покраске. Работал рашпилем, зубилом и даже кувалдой, но чаще всего наждачкой и вручную. Меня как ученика отпускали после обеда, но эта «лафа» продлилась недолго, мне без всяких проволочек дали шестой разряд. Я стал получать на шесть рублей больше и смог «обмыть» посвящение в рабочие, купив выпивку и закуску на всех членов бригады. Пришлось трудиться полный рабочий день, выходить во вторую смену и даже в ночную. В первый же выход я опозорился: ближе к полуночи забился в радевалку и там на куче тряпья и телогреек заснул. Меня нашли только утром и послали выспаться днём, чтобы не спать на работе.

Постепенно всё «устаканилось», я привык к сменам и освоился с физическим трудом, иногда даже получая похвалу от работяг, которые прозвали меня «энтелегентом». Конечно, я уставал и после работы уезжал в промасленной спецовке. не переодеваясь, хотя у нас был душ и у каждого свой шкафчик. В трамвае меня сторонились, а брат спрашивал: «Ты где работаешь, в экспериментальном цехе или в коче-

гарке?»

В цехе я познакомился со своим будущим другом и единомышленником Эдиком Верток, который как и я зарабатывал стаж для поступления в вуз. Правда, он устроился на «лёгкий труд»: в его распоряжении была механическая пила по металлу, ему подвозили трубы, балки, уголки, которые надо было распилить согласно размерам. Эдик только следил, чтобы ножовочное полотно не перегревалось, поливая его жидким раствором. А я потом зачищал распиленные куски металла от заусениц, и увидев, как я усердствую, он взялся мне помогать. Мать Эдика когда-то снималась в кино, отец как-то работал на Одесской киностудии, он же хотел стать кинорежиссёром. И я туда же: буду кинокритиком! Так, сидя на железных трубах и вдвоём орудуя рашпилями, мы говорили о высоком искусстве.

Эдик работал только в первую смену, нарезая «железяк» на все три, потом и меня перевели к нему, учитывая, наверное, мой ночной сон в раздевалке, поэтому общались ежедневно. Но вне цеха мы встречались только по воскресеньям, по субботам отсыпались. Он жил далеко, почти в конце маршрута трамвая номер четыре, это по дороге на курортный пригород Брюховичи, поэтому договаривались на «стрелку», где сходились четвёрка и семёрка. Ходили мы по театрам, Эдик доставал контрамарки через своих родителей – в знаменитый Оперный, украинский имени Марии Заньковецкой, но чаще всего в театр Прикарпатского военного

округа, где пересмотрели все спектакли с участием Зинаиды Дехтярёвой, «на которую» ходил весь львовский бомонд.

В театре мы познакомились с двумя молодыми актрисами Лилей и Тамарой, за которой «приударил» Эдик, я больше общался с Лилей – весёлой, озорной и, как говорят сейчас, «без комплексов». Они играли в основном в «массовке», но выгядели на сцене очень эффектно. С их помощью мы не только посещали спектакли, но и ходили на «генеральные прогоны», куда приглашали партийную элиту и журналистов. С ними я даже однажды навестил заболевшую Зинаиду Дехтярёву дома!

Мы купили торт, фрукты, цветы и вошли в шикарную квартиру в центре города. Зинаида Николаевна благосклонно приняла угощения и с чисто женским любопытством спросила, чей я. А Лилька смеясь ответила: «Общий!» Потом с юмором изображала молодую актрису Жанну Тугай, которая заменяла Дехтярёву в спектакле «Вива, Куба!». Но в пьесе Салынского «Барабанщица» её Нилу Снежко заменить не мог никто, эту роль Зинаида Дехтярёва сыграла более пятидесяти раз и всегда с большим успехом!

Она давно была моей любимой артисткой, когда ещё пела в театре музыкальной комедии, который почему-то перевели в Одессу, а Дехтярёва осталась во Львове. То ли из-за первого мужа Алексея Земцова, героя-любовника театра русской драмы, перехавшего из Харькова, то ли потому, как говорили злые языки, стала терять голос. Но я точно потерял дар

речи, когда вдруг увидел её на трамвайной остановке возле нашего дома! Известная актриса стояла с чемоданом и беспомощно озиралась вокруг. Я, только что из-за границы, в джинсах и кожаной куртке, подошёл и спросил: «Чем могу помочь?» – «О, да, я опаздываю на поезд и не знаю, как попасть на вокзал» – «Трамвая Вы не дождётесь, я поймаю такси» Потом помог ей сесть в машину, устроил чемодан в багажник и в знак благодарности услышал слова: «Впервые вижу такого учтивого молодого человека». Мог ли я предположить, что когда-либо буду танцевать вальс с великолепной Зинаидой Дехтярёвой на юбилее театра ПрикВО!

Жизнь театральной богемы так затянула нас, что мы с Эдиком старались не пропускать ни одной «светской тусовки». Проходили они в основном после спектаклей в артистическом клубе «Орфей», который располагался в здании театра украинской драмы, но со стороны напротив оперного, где Эдик со своим орлиным профилем подвизался в ролях гладиаторов и оруженосцев. Поэтому у него было театральное удостоверение, с которым пускали всюду, а за ним и меня. В «Орфее» не только ели, пили и танцевали, но устраивали «капустники» и обсуждали премьеры в театрах. Там часто появлялись «заныковчане» Фёдор Стригун, Богдан Ступка, Слава Сумской, с которыми Эдик вступал в горячие споры об искусстве кино, я же помалкивал, ибо ораторское умение было мне не дано, предпочитая излагать свои мысли в дневнике.

А ещё мы нередко участвовали в вечеринках на дому. Тогда не было многочисленных ресторанов и кафе, да и там не принято встречаться: дорого и неудобно. Другое дело у кого-нибудь на квартире, каждый приносил то, что мог: еду, выпивку, музыку, известные, но официально властями не принятые песни Владимира Высоцкого, Виктора Цоя, групп «Машина времени», «Наутилус-Помпилиус» и других.

Все ели, пили, веселились и свободно говорили и спорили обо всём: политике, искусстве, любви и некоторые даже ухитрялись заниматься ею в укромных уголках...

Но одна тема враз объединила всех: 12 апреля 1961-го года впервые в мире в космос полетел советский гражданин Юрий Гагарин! Ликование было всеобщим, и верилось и не верилось, что наш человек в космосе! И хотя он сделал один оборот вокруг земного шарика, это было не важно, главное: космос наш! Потом все дружно прилипали к экранам телевизоров, а у кого его не было, ходили к соседям, и следили за поездками Первого космонавта по всему миру и пили за его здоровье!

Но наступил май, надо было кончать пьянки-гулянки и готовиться к вступительным экзаменам, которые в творческих вузах проводились раньше. Мы уволились с любимого завода, устроив прощальный «сабантуй» прямо в раздевалке. На прощание работяги подарили по медной увесистой эмблеме автопогрузчика и оставили масляные отпечатки пальцев на первой страничке первой трудовой книжки.

В конце июня мы с Эдиком двинули в Москву, и не куда-нибудь, а во ВГИК – Всесоюзный государственный институт кинематографии. Но там случился облом. На режиссёрский надо было иметь хотя бы запись о работе в театре, а у нас стояло общее: слесарь по металлу. А мне на киноведческий необходимо было представить статьи или очерки, хотя бы в рукописном виде. Не мог же я в комиссию подать свой дневник! Так не солоно хлебавши мы разбежались: Эдик сам подался к своим родственникам, которые жили где-то в Подмосковье, а я пошёл к Филиппу Латипову, чей адрес у меня был.

Это оказалось недалеко от Киевского вокзала в большом доме на набережной. Филадельфия дома не оказалось, призвали в армию – он был старше меня, но его родители приняли меня радушно: накормили, напоили и уложили спать в нише окна, на его кровать. Я мог даже лёжа видеть и слышать, как поезд метро, вырываясь из подземелья, с грохотом катил на мост, чтобы скрыться под землёй на другом берегу Москва-реки.

На следующий день я поехал на Метростроевскую улицу, в МГИМО – Московский государственный институт международных отношений, надо было оправдать предсказание Маргариты Генриховны! Но и там мне дали от ворот поворот: в этот вуз принимали только по направлению партийных или комсомольских органов – этого не было в справочнике. Слегка расстроившись, я отправился на Красную площадь.

Поначалу даже заблудился, пошёл из метро в другую сто-

рону и оказался напротив шикарной гостиницы «Метрополь» и даже вошёл внутрь. Потом развернулся и стал в небольшую очередь в мавзолей Ленина, мумия вождя меня совсем не впечатлила – и чего люди раньше простаивали по несколько часов? Мне больше понравилась кремлёвская стена с именами известных людей, чей прах захоронен в ней, и Александровский сад с царским гротом. Через Манежную площадь я попал в здание факультета журналистики МГУ – вот куда надо поступать! Но и здесь нужны уже опубликованные творческие работы. С мыслью об этом я покатался на речном «трамвайчике» и вышел на пристани возле Киевского вокзала. Купив билет во Львов, бросил горсть монет в воду и сказал: «Я ещё вернусь!»

Дома меня ждал сюрприз: приехали отец в отпуск и мать с сестрой и все вместе с братом так меня обработали, что я подал документы в политехнический. Всё оставшееся лето зубрил физику, химию и математику и с трудом поступил, но не на РТФ – престижный радиотехнический, а на факультет автоматики и вычислительной техники – ФАВТ. Его только организовали с учётом на будущую перспективу, но мне было всё равно, душа к технике не лежала. И приняли меня скорее всего из-за матери со званием «Героиня» – пятеро детей, и благодаря брату, который в институте был на хорошем счету.

Реформа образования коснулась и высшей школы – собрали из таких, как я, без двухлетнего стажа работы одну

группу и отправили на приборостроительный завод п/я 49 – дорабатывать стаж. Это был так называемый «ящик» – предприятие оборонной промышленности. Устроили нас в сборочный цех, так что мы днём работали, а вечером учились, как говорили, «очно-заочно», что не совсем верно. На следующий год обещали перевести сугубо на дневное обучение, правда, не всех, а только тех, кто успешно сдаст две сессии.

На заводе мне понравилось – чистенькая территория, аккуратные дорожки и газоны вокруг нескольких зданий. Наш цех был на третьем этаже самого большого из них – с высоким потолком и широкими окнами, так что было видно Стрийскую улицу и парк. Через всё помещение тянулся длинный конвейер, за которым на вращающихся креслах сидели с полсотни девушек и женщин в белых халатах и шапочках, все, как на подбор – красавицы! Мужчин было мало, только на контроле, приёмке и обкатке приборов, поэтому нас приняли доброжелательно: доверили «самое главное» – подносить работницам ящики с винтами, гайками, мотками проводов и прочими деталями. Так постепенно познакомилась со всеми и определилась с симпатиями, потому что некоторые «девицы» вызывали нас сигнальными лампочками, даже если у них все детали были в достаточном количестве.

В этом женском «царстве» особенно выделялась одна – Диана Ковальчук: «чорні очі, чорні брови», свои, не нарисованные, светло пепельные волосы, может, слегка подкра-

шенные – справжня українська красуня. Я частенько подносив ей детали, иногда даже помогал в монтаже, когда что-то не ладилось, просовывая руки в корпус прибора через её плечи. Диана охотно принимала мои услуги, ходила со мной на «пятиминутках» в курилку, затягиваясь дымом от тонких сигарет и загадочно улыбалась. Однажды она не вышла на работу, прошёл слух, что её бросил парень и она пыталась отравиться, но её спасли. Она жива и не хочет никого видеть. Меня срочно посадили на её место, так как я знал эту операцию, а Диана вернулась спустя неделю, но уже не такая весёлая и без «бисеринки» в глазах, а потом и вовсе уволилась. Я же подумал, ну и дурак этот парень, как можно было бросить такую красавицу!

Вскоре нас всех посадили за конвейер, поставили на тяжёлые физически операции, где надо подгонять вручную кронштейны или крышки приборов. Это привязало к месту, но я всё же ухитрялся перед обедом заделать несколько операций, опережая конвейер, чтобы успеть занять очередь в заводскую столовую для всей бригады. Так мы выгадывали минут пятнадцать от получасового перерыва и могли ещё погулять, покурить и поговорить о футболе, о женщинах и вообще о смысле жизни...

На заводе мне нравилось, хотя приходилось вставать рано и втискиваться в переполненный троллейбус, который елееле тащился вверх по улице Стрийской и останавливался почти у проходной. А вот домой, я жил с родителями, иногда

ходил вниз через старинный парк и наслаждался его природной красотой и рукотворными аллеями, которые сходились возле пруда с живыми белыми лебедями и каменной русалкой. Но чаще всего после работы мы шли в другую сторону – по Гвардейской мимо Военно-политического училища вниз до главного корпуса Политеха, там нас ждали лекции и практические занятия. На потоке, где в большой аудитории собирались все группы, можно было и подремать или «сачкануть», предварительно отметившись у старосты о своём присутствии. А вот на практикуме надо было не только быть, но и выполнять определённые задания. Они были не сложными для меня, но на всё не хватало времени, каждый преподаватель считал главным только свой предмет. В результате контрольные работы по математике, лабораторные по физике и химии, этюры по начертательной геометрии, не сданные вовремя, накапливались и тянулись как хвосты.

Так в труде и учёбе прошёл первый семестр, наступила зимняя сессия – пора зачётов и экзаменов. Она оказалась сложной не только для меня, но и многих из нашей группы. Зачёты шли с трудом, экзамены сдавали со второго раза одному преподавателю и даже с третьего захода, но уже комиссии. Начальство увидело, что очно-заочная система обучения не даёт положительных результатов и решило видоизменить её. Нас разделили на две группы и мы стали попеременно неделю работать, потом неделю учиться днём. Конечно, мы сразу потеряли половину зарплаты, стипендия в рас-

чёт не бралась, но зато получили больше свободного времени вечерами. Девушек в техническом вузе было мало и мы не общались со своими одногруппницами вне «школы». А я постарался восстановить театральные связи с ... актрисами.

Был ли у меня с ними секс? Когда гораздо позже по телемосту СССР – США на весь мир прозвучало, что у нас секса нет, у меня он был. Сначала с Лилей в нашей квартире в то короткое время, когда там не было родителей. Она научила меня тому, о чём мы часто в мужских компаниях вели только разговоры. Потом у меня появилась Мышка-Маришка Недич из театра Юного зрителя, где она играла лисичек, зайчиков и мальчиков-подростков. С ней мы объездили окрестные замки и красивые горные сёла Прикапатья, откуда она родом. Я иногда оставался на ночь в её маленькой комнатке на втором этаже театрального здания со входом из длинного балкона, и мы с ней занимались любовью, в то время как за дверью, даже не отделённой тамбуром, ходили другие жильцы. Затем у меня была очень интересная женщина и хорошая актриса украинского театра Христина Иланская, которая приобщила меня к классической музыке. Я даже привёз из Москвы ей в подарок большую пластинку с записью «Кармен-сюиты» Бизе-Щедрина, и мы вместе слушали упоительные мелодии в её маленькой и уютной «хрущёвке» на улице Городецкой на окраине Львова. Христина много играла, хотя и не главные роли, и была занята почти во всех спектаклях театра. Поэтому наши редкие встречи за-

ставляли моё сердце сильнее биться, особенно когда наше не частое появление в клубе «Орфей» производило восторженный фурор! Каждая из этих женщин была немного старше меня, но они очень много дали мне для физического и духовного развития, с ними я стал настоящим мужчиной.

Но эти встречи были хотя и яркими, но мимолётными эпизодами, у них – репетиции, спектакли, гастролы, у меня – работа, учёба и театральная студия в клубе связи, что недалеко от политеха. Я пошёл туда не только, чтобы заполнить свободные вечера, но и из любви к искусству. Меня сразу ввели в готовый спектакль на «главную» роль – учёного, за которым охотилась американская разведка. Но появлялся я на сцене всего два раза: в самом начале, когда меня прятали и заменяли советским разведчиком, чтобы поймать заокеанского шпиона на «живца». И в конце, когда опасность миновала и меня возвращали в семью. В главных ролях были две сестры Гришины: младшая Валя, она играла мою дочь, и старшая Лариса – по пьесе моя жена. Я, конечно, влюбился именно в неё, и когда мы под занавес появлялись на сцене, держась за руки, со словами: «А вот и мы!», я весь дрожал, чем очень смешил Ларису.

Это очень красивая женщина, но с ней у меня ничего не получилось, она была симпатией нашего режиссёра Алика Земцова, бывшего мужа Зинаиды Дехтярёвой. Роли героев-любовников были ему уже не по возрасту, но режиссёр он был неплохой: поставил нашумевшую пьесу «Валентин и Ва-

лентина», которую переиначил в «Он и она». Роль героини досталась, конечно, Вале, а героя играл Микола Задорожний, грубоватый и недалёкий парень. Его друга изображал я, появляясь на сцене один раз – в эпизоде вечеринки. Я дал волю своему «таланту» – пел, играл на пианино, который специально вытаскивали из-за кулис, острил и веселил всю компанию, Алик поощрял импровизацию. Он же придумал приём, когда герои находились на сцене за прозрачным занавесом в полной темноте, освещая свои лица фонариками лишь во время реплик – из зала это выглядело очень эффектно.

Лариса играла роль подруги героини и появлялась на сцене несколько выходов, мне же оставалось только на неё смотреть. Иногда к нам приходил Эдик, он устроился в Театр юного зрителя, где играл злодеев, бармалеев и леших. Он «ухлёстывал» за Валею, она же избегала его, хотя со мной была мила. Эдик же говорил про сестёр Гршиных: «Мы возьмём их молодостью и красотой!» Позже Валя поступила в Киевский институт театра и кино и даже снялась на студии Довженко. Однажды она приехала на премьерный показ своего первого фильма в кинотеатр «Мир», что построили на пустыре возле Старого рынка. Мы пришли почти всей компанией, даже Эдик был с нами, еле пробились в зал, помогла билетёрша, которая тоже играла у нас. Валя держалась просто и естественно, нам была очень рада и представила своего мужа – симпатичного молодого актёра, и Эдик сник. Фильм был так себе, история о том, как из детского садика сбежал

маленький мальчик, но ведь главную роль – воспитательницы сыграла наша подруга по крубу – Валентина Гришина! А Лариса вышла замуж за военного офицера и он увёз её то ли на Крайний Север, то ли на Дальний Восток...

А пока наш спектакль «Он и она» пользовался большим успехом, мы показывали его на разных культурных площадках, например, в клубе железнодорожников, где был огромный зал с двухярусным балконом. Ничего, что после спектакля были танцы, из-за чего, собственно, и приходили молодые люди в клуб, но и нас они принимали очень хорошо. Тогда у молодёжи почти единственным культурным развлечением были танцы, которые каждую субботу и воскресенье проводили в этом же клубе, под названием «железка», в нашем – «связь», в клубе трамвайщиков, почему-то – «сарай», по внешнему виду, наверное. Летом танцы проходили на открытых местах, в парке Культуры, например, танцевальная площадка была ограждена решётчатым забором, поэтому её и называли – «клетка». Но там частенько случались потасовки и драки, в связи с чем постоянно дежурила милиция. На танцах молодые люди встречались, знакомились, влюблялись, был даже неписанный закон – последний танец с девушкой, которую идёшь провожать.

Но я на «танцульки» не ходил, у меня были другие, более «высокие» интересы. Директор клуба связи Евгений Моисеевич Мильтон, представлял себя: художественный руководитель Ежи Мильтон, с ударением на первом слоге, пото-

му что «мильтон» – это прозвище милиционера. Он не только устраивал нам «гастроли», без которых театр мёртв, но и приводил знаменитостей. Однажды к нам пришла известная киноактриса Инна Макарова (фильмы: «Дорогой мой человек», «Высота», «Девчата»). После спектакля она пообщалась с нами и устроила, как сейчас говорят, «мастер-класс». Кстати, в нашем клубе начинал свою творческую деятельность знаменитый режиссёр Роман Виктюк. Его эпатажные «Служанки», где главные женские роли играют мужчины, до сих пор вызывают неоднозначную реакцию.

Я был знаком с Борисом Озеровым, студентом политеха, который сам ставил неординарные постановки. Хорошо помню его агит-плакат о Великой отечественной войне, где одни юноши и девушки, одетые в военную форму, читают со сцены письма солдат с фронта, а другие под музыку и грохот канонады изображают прочитанное. Эта постановка вызвала большой резонанс не только в любительском обществе, но и среди профессионалов. Когда я спросил Бориса, не хочет ли он стать режиссёром в театре, ответ был: «Нет! В самодеятельности я ставлю так, как хочу, а на профессиональной сцене меня сразу зарубят.» Через несколько лет мы встретились с Борисом Озеровым в промзоне НИИРТИ, где я работал редактором технической документации, а он простым инженером. Но уже имел свой любительский театр, однако это будет другая история.

Таких как мы объединяло не столько «высокое» искус-

ство, но и тёплые дружеские отношения. Часто встречались не только на подмостках сцены, но и вне их. Душой компании кроме меня была Нина Коняева, которую Борис называл шутливо Лошадкиной, намекая на её лицо и внешность. Она не обижалась, в театре всегда на вторых ролях и успевала вовремя добывать реквизит и приготовить что-то вкусненькое на посиделках у неё дома. Мы сообща читали польские журналы, которые не купить в киоске, но там работала её мама: «Przekrój», «Kino», «Film», «Kobieta i życie» (Женщина и жизнь). Понимали многие, но прочитывать было трудно из-за сложных щипящих согласных. Но Нина читала мастерски и я научился у неё. Однако нам легче было слушать польское радио, которое тогда казалось звуковым окном в другой, неведомый, но свободный мир...

Кончилась промозглая зима, прошёл холодный март, мокрый апрель, наступил первый по-настоящему весенний месяц май. И Львов укрылся в ярко-зелёное одеяние, в самом центре и в палисадниках частных домов на узких улочках зацвела сирень, на входе в Стрийский парк расцвели магнолии – на деревьях ещё ни одного листочка, зато ветки усыпаны большими пахучими цветками. Буйство весенней природы так и тянет прогуляться, развежаться, влюбиться. Но расслабляться нельзя, впереди – зачёты, экзамены, к которым надо готовиться.

Весенняя сессия оказалась более провальной, чем зимняя, я по два раза сдавал почти каждый предмет, кроме

марксистско-ленинского учения, а химию не сдал даже с третьего раза, так и уехал на море в Одессу с хвостом. Укатил один – театры разъехались на гастроли, с Зайкой контакт потерян – её нефтяной факультет перевели в Дрогобыч, поближе к производству, а про Аню я давно ничего не знал, хотя постоянно искал. Горячий песок, яркое солнце и солёная вода должны были развеять мою тоску и снять сердечный стресс...

Одесса, о ней можно говорить только словами из песен: «Жемчужина у моря, в цветущих акациях город», который с детства вошел в мою кровь и плоть. Ещё мальчишкой я приезжал сюда вместе с мамой и братьями на целое лето в гости к тётё Шуре, которую прозвали Кока. В её тесной квартире становилось шумно и весело, мы часто спали просто на полу, а утром, наскоро перекусив хлебом с баклажанной икрой, которую тётя удивительно вкусно готовила, убегали на пляж, прихватив с собой пару помидор и огурцов и батон. Пляжи Аркадия, Отрада, Ланжерон были освоены нами, но чаще всего мы ездили в конец трамвая 28 в парк Шевченко на Комсомольский пляж. Иногда отправлялись в Лузановку, но это далеко, надо было идти к Пересыпи и ехать на девятом номере из конца в конец.

А вечером, когда дядя Вася возвращался с работы, все садились в комнате за большим круглый стол «вечеряти»: украинский борщ с пампушками, сало, смаженная домашняя колбаса и обязательная икра из баклажанов, как их звали

олесситы: «синие». Приходили почти родственники – геологи супруги Борис и Лиля Понарёвы, которые жили в доме рядом, появлялся неизменный «шкалик» – бутылочка водки, начиналась оживлённая беседа. Отец рассказывал о своих стройках, Борис – об интересных местах, где побывал, дядя Вася «травил» анекдоты, поглаживая свой живот, который он называл «трудовой мозолью» Иногда приходили сестра Бориса Надежда, которая работала певицей в Одесской филармонии, и её дочь Ульяна, она кроме средней училась ещё в вечерней музыкальной школе.

Наши дома на улице Штиглица объединял общий двор, Понарёвы жили в большой трёхкомнатной квартире на втором этаже где была настоящая ванная и нормальная кухня, в которой глава сеиейства баба Фрося нас постоянно подкармливала. На третьем этаже жила Нонна, красивая и вежливая девочка, а над нами – евреечка Лиля, очень худенькая и изящная. Это и была моя «женская команда», перед которой я старался «выпендриться»: то залезал на железный столб электроопоры, то перелезал через забор из ракушечника и лазил в катакомбы. А однажды повёл всех в Дюковский парк, куда нам ходить строго запрещалось – там «гуляли нехорошие компании», за что мне сильно перепало.

Но больше всего времени мы проводили во дворе, одесские дворики – это уникальное явление, в них все встречаются и узнают новости, проводят дни рождений, свадьбы и даже похороны и наш не был исключением. Ограждённый с

двух сторон домами, расположенными буквой «Г», а с двух других сторон – прачечная, туалет и сарайчики, он был очень уютен. Днём бегала малышня, запутываясь в развешенных через весь двор простынях, а вечером, когда бельё снималось, приходили старшие и начинались танцы под патефон. Музыка играла до полуночи и дольше, пока не начинали шикать жильцы первых этажей, им доставалось больше всех. Но у них было и одно преимущество – свой палисадник под окнами, из которых вылазили «погулять» в свой садик. А рано утром дворничиха тётя Оля выходила подметать двор и поливать водой из шланга, громко переговариваясь с теми, кто уже шёл на работу. Тут уже возмущались все оставшиеся досыпать!..

В этот приезд из подружек я застал только Ляну, так я звал Ульяну, по отцу Лотяну, бывшему мужу тёти Нади. Она окончила музыкальное училище по классу фортепиано и получила распределение в город Белгород-Днестровский, куда ехать не хотела, и я предложил ей взять открепление.

Это была удивительная поездка на дизель-поезде вдоль Черноморского побережья. Но сначала моря нет, поезд плетётся по пригороду Одессы, потом через какие-то невзрачные селения и вдруг на повороте вырывается на простор. Вскоре он идёт по высокой насыпи, а внизу – только песок и вода и врассыпную маленькие домики. Дальше ещё интереснее – домики исчезают, полоска песка сужается и вода подступает с двух сторон: слева море, а справа лиман, мы

едём по узкой косе. Затем грохочет железнодорожный мост, и возникает курортный городок Затока, а через полчаса мы уже в Белгороде, что на берегу Днестровского лимана. В его пыльных и душных улочках мы не сразу нашли отдел культуры, но зато чиновница, только мельком взглянув на документы и нас, сразу выдала резолюцию: «Такой специалист у нас уже имеется!».

Получив бумажку с печатью, мы помчались что-то перекусить, потом пошли в крепость, которая возвышалась над городом. Поднимаясь наверх, я заметил седоватого старичка с таракаными усиками – это был заведующий кафедрой неорганической химии нашего института Ян Адамович Кшиштовский! И мы всю дорогу прошли вместе, я фотографировал, у меня был самый современный фотоаппарат «Киев», подаренный отцом год назад на день рождения. Ян Адамович оказался очень интересным собеседником, так что нам не понадобился экскурсовод, он много рассказал об истории крепости. А какой вид открывался с её верхней башни на город, лиман и даже море в далёкой синей дымке – мы с Ляной были в восторге!

Надо было возвращаться и мы решили последний вечерний поезд дождаться на станции Каролино-Бугаз, где у Понарёвых была дача. Доехали до Затоки на автобусе, купили бутылку красного вина у местных виноделов, батон на закуску и пошли пешком через мост. Идти было не страшно, поезда ходили редко, мы пили вино из горлышка, попеременно

кусая батон, и кормили чаек. На косе было безлюдно, солнце быстро садилось за высокий берег и когда мы нашли так называемую «дачу», стало совсем темно. Это был небольшой сарайчик: тамбур и комнатка с топчаном, где можно было переночевать – наверху сверкая огнями прогремел последний пассажирский поезд.

Море было рядом, тёмное, шумное и страшное, но быстро покидав верхнюю одежду, мы побежали к нему. Я был как обычно в плавках, а Ляна – в белом узорчатом лифчике и трусиках. Войдя в воду, она присела и с криком поднялась на мелководье и я даже в темноте увидел две красные вишенки на груди, проступившие сквозь мокрое бельё, и черноту внизу. В порыве я закричал: «К чёрту условности, здесь нас никто не видит!» и скинул с себя плавки. Потом стал снимать с Ляны лифчик, слизывая солёность её плеч, шеи, груди и по ложбинке ниже и ниже. Но она вырвалась и бросилась в воду, оставив меня с трусиками в руках. Отбросив трофей, я ринулся за ней, и мы долго-долго плавали как Ихтиандр и Гуттиэре в фильме «Человек – Амфибия», обвиняя друг друга телами. И дошло до секса в воде – это что-то не земное! Ты стоишь, упёршись ногами в дно, а она, обхватив руками твою шею, то уплывает от тебя в невесомость, то наваливается всей тяжестью своего тела, сливаясь с тобой в одно целое, как осьминог... А море пело и сверкало блестящими брызгами – это цвёл планктон, был конец августа, 29-е, день моего рождения, третий семерик, 21 год.

Мокрые и усталые, мы добрались до сарайчика и упали на топчан. Там под тёплым покрывалом продолжали любить друг друга, прерываясь на глоток вина и закуску томатами «черри» – несколько штук мы нашли рядом на хиленьких кустиках. Потом пили чай из самовара, разгочегарив его сухими веточками, собранными на берегу, запивая сухую солёную скумбрию, пару штук висело на верёвочке. Над нами грохотали грузовые поезда, их пропускали только ночью, а в промежутках мы слышали лишь шум прибоя и тихое журчание воды. А рано утром встречали рассвет: необычайно красивое зрелище, когда солнце встаёт из моря, а оно здесь на весь горизонт, сначала яркий краешек, что становится больше и больше, и вот уже и вода и небо залиты красным цветом, а солнечный диск торжествуя плывёт над морем. .. Я всё запечатлел на фотоаппарат, но даже и без него эта яркая картина, как и ночь любви на черноморском берегу остались в памяти навсегда...

Мы ехали в поезде и мечтали о будущем: я выучусь на инженера и буду работать на заводе, Ляна приедет ко мне во Львов и будет давать уроки музыки. Но нашим планам не суждено было сбыться – в Одессе нас ждал другой расклад. Тётя Надя прежде всего спросила, где мы пропадали всю ночь, а потом объявила, что её переводят в Кишинёв в республиканскую филармонию, там работала однокурсница Мария Биешу, и она добилась о месте и для Ульяны. «Так что собирайся, через три дня едем!» – сказала ей, как отрезала.

Эти три дня прошли под знаком прощания – с милой Одессой, с нашей мечтой, но не с любовью. Гуляя по Дерibasовской, мы танцевали под джаз-оркестр, который играл у фонтана вечерами, и целовались. У памятника Дюку на Приморском бульваре обещали встретиться вновь. А спустившись по Потёмкинской лестнице на морской вокзал, долго стояли обнявшись, пока туман не окутывал одесский маяк и закрывал бесконечный горизонт, и молча загадали, что наша мечта таки сбудется. Через три дня мы расстались, Ульяна уехала в Кишинёв начинать трудовую жизнь, а я во Львов, «грызть гранит науки».

Однако технические дисциплины оказались мне не «по зубам», хотя в средней школе я учился отлично, в вузе высшую математику, физику и особенно химию не потянул. И не потому, что «мозгов» не хватало, а просто заниматься надо было систематически, к чему я приучен не был. Но взяв третий талон на пересдачу химии и захватив с собой отпечатанные фотки из Белгородской крепости, я пришёл на кафедру, где застал Кшиштовского в добром здравии и хорошем расположении духа. Фотографии ему страшно понравились, особенно там, где был вместе с Ульяной, и мы долго вспоминали нашу совместную экскурсию. А когда дошло до дела, то Ян Адамович начал задавать мне такие вопросы, что я не смог ответить ни на один из них. «Молодой человек, в химии вы ничего не смыслите» – подытожил он и вклеил на талон большой жирный «неуд.»

Это был последний шанс, надеяться мне было не на что, и напрасно брат ходил к декану факультета, исправить оценку моих знаний, данную профессором, он не мог. Как и я не мог уже подчищать хвосты по другим предметам, а это означало одно – отчисление.

Дома решили ничего пока не сообщать, брат обещал похлопотать о переводе на вечерний, я же заявил на заводе, что буду работать каждую неделю, начальник цеха остался доволен – на тяжёлой операции по сборке корпусов будет постоянный человек. А она действительно была тяжёлой – иногда трудно было подогнать детали даже с помощью ломика. Хорошо, когда шли приборы в экспортном исполнении – там всё совпадало и не надо было ничего подгонять кувалдой.

Но моя успешная трудовая деятельность не спасла меня от призыва в армию – 1962-й год, Карибский кризис, когда Хрущёв отправил на Кубу ядерные ракеты, а Кеннеди в ответ объявил блокаду «Острова Свободы» – брали всех подчистую! Никому из родных не сказав, прошёл медкомиссию и вопреки досужим рассказам не ходил перед молоденькими врачихами голяком. А трусы заставили снять за ширмой, где врач оценил мои мужские достоинства и даже заглянул зачем-то в попу. И не смотря на близорукость я был признан годным к военной службе. И вот как гром среди ясного неба, домой пришла повестка: явиться на сборный пункт 19 ноября! Мать в слёзы, а отец: «Там сделают из него человека!»

Провожать меня пошли все – отец, мать с сестрой и даже

брат с женой, поехали в конец улицы Шевченко мимо родного завода автопогрузчиков. На большой территории собрались толпы парней, среди которых выделялись сельские в каких-то обносках, всё равно переоденут, не пропадать же добротной одежде! Только городские были одеты прилично, я сразу нашёл друзей-одногодков украинца Яноша Федышина и поляка Зигмунта Понача. Они, как и я, были «отсрочниками», ведь в армию брали с 19-ти лет, а нам было уже за 21. Многие были с девушками, а мы нет, и поддавшись всеобщему ажиотажу, здесь же во дворе постриглись наголо. В таком ужасном виде и расстались с родными, которых попросили удалиться.

Переклички, проверки, построения протянулись до глубокой ночи, потом неожиданно дали команду разойтись до шести утра, предупредив, что неявка вовремя будет караться по закону. Повезло тем, у кого ещё не ушли родственники, а мне домой идти было поздно, Яношу тоже, он жил в конце Ленина в другой части города, и мы пошли к Пончику, так сразу окрестили Зигмунта за маленький рост и созвучно фамилии, его тётя жила рядом. Конечно, было не до сна, «цёця» Ванда принесла нам вкусные «пляцки» – картофельные оладьи, угостила вишнёвой наливкой, и мы проговорили всю ночь и только про своё: Янош жаловался на головные боли, Зигмунт – на свой рост, а я – на неудавшиеся попытки получить высшее образование – у каждого была причина избежать службы в армии. Но теперь нас объединило общее: мы

– призывники и обязаны выполнить свой гражданский долг.

Утром всех проверили по спискам и нестройными колоннами повезли на вокзал. Там нас посадили не в «теплушки», а в нормальные плацкартные вагоны, где у каждого было своё спальное место. Мы устроились втроём вместе, к нам присоединился бедорус Миша Голик, так что был полный интернационал. Ехали долго, громко распевали песни на разных языках, рассказывали анекдоты, ели, пили и веселились как могли. Шёл к завершению 1962-й год, кончалась «Хрущёвская оттепель» и чуть не началась «ядерная зима». А мы прощались с молодостью, впереди нас ждала другая жизнь – взрослых мужчин, призванных защищать свою Родину – Советский Союз!